

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 100 (416)

8 АВГУСТА 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: М. КОЛЬЦОВА, В. ДАВЫДОВ, А. СЕЛЕННИКОВ, И. СЕВЬЯНСКИЙ, М. СУВОРОВ, М. СЕРВЯНСКИЙ, М. ЧАРНОГО, В. УСНЕВИЧ.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

◆ СИМФЕРОПОЛЬ (НАШ КОРР.). Сегодня в Симферополе открывается конференция советских писателей Крыма. Крымгосиздат выпускает и конференция большой сборник на татарском языке «Избранные произведения крымской татарской литературы». В сборник вошли крупнейшие произведения крымских писателей Крымского полуострова за последние годы: И. Тархан, Э. Шемс-Заде, Д. Гафарова, Осман Али, Умер Илчи, Атланты, Тыччарова, Иргат Адыр, А. Дарменджи и др. Кроме этого издания Крымгосиздат выпускает и конференция сборник «Литературный Крым» (книга 4).

◆ В системе Наркомпроса РСФСР на базе графического факультета московского Полиграфического института организуется Институт изобразительных искусств. В новом вузе будет три факультета: живописи, скульптуры и графики.

ПРИВЕТ ХУДОЖНИКАМ СЛОВА ГОРОДА ЛЕНИНА

Дневник Литературной газеты

8 августа

В издательстве Академии наук СССР под редакцией В. А. Десницкого вышел первый том материалов и исследований о творчестве Горького. Том включает забытые и неизданные произведения М. Горького (рассказы, очерки, статьи и рецензии), переписку М. Горького с писателями и критиками, письма к Горькому начинающим писателям и статьи Н. Морачевского, С. Балухатого, Б. Горюхиного и В. Гангуся по истории текстов писателя.

Собранный материал дает представление о многообразии деятельности М. Горького, о его работе с писателями, о его умении отделить от самых разнообразных событий литературной жизни, о громадном количестве работ Горького, с которыми он был связан и работой которых руководил. Сборник составлен очень тщательно и представляет собой великолепный образец бережливого и культурного отношения к деталям, из которых складывается процесс становления социалистической литературы.

В предисловии к книге редакция пишет: «Мы знаем М. Горького по его гениальной деятельности и публицистической деятельности, по собранному сочинению. Но в это собрание вошло далеко не все творчество пролетарского художника. Многие даже самые лучшие произведения, многие в плане высокой требовательности к своему труду не заслуживают, по мнению М. Горького, внесения в собрание сочинений. Но наше отношение может быть иным. Мы подтверждаем громадное практическое значение всего материала, связанного с жизнью и деятельностью великого писателя, ибо история литературной деятельности М. Горького — одна из ярких страниц истории становления пролетарской культуры и социалистического искусства».

Широко известно пренебрежение к материалу и документам, существовавшее в революционной литературе. Зачастую материалы о русских писателях имелись в большем количестве и чаще извлеклись за границей, чем в России. В Германии опубликовано о Достоевском неизмеримо большее количество исследований, чем их было издано до революции и нас.

Предпринятое Академией наук издание «Литературного архива» представляет собой предприятие большого значения. Редакция горьковского сборника совершенно права в том, что своей работой «расчищает» путь и усиливает интерес к сохранению и накоплению документов по современному литературному движению».

Она права также и в том, что «мы слишком невнимательны, небрежно относимся к документации — для будущего — того великого процесса становления социалистической литературы, современными и участниками которого мы являемся... Что срублены современные поэты и прозаики плохо или совсем не хранятся в издательствах, не хранятся часто и самими авторами. Многие гибнут, уничтожаются — по небреж-

ности, по неважности к нашему культурному богатству».

Итак, помимо своего значения в области сохранения материалов и документов о творчестве великого пролетарского писателя, этот сборник Академии наук должен быть воспринят как пропагандная бережливость и памятник нашего настоящего. Безмерно значительно все происходящее сейчас в нашей стране. И процесс становления социалистической литературы должен быть сохранен для будущего по всем своим многообразиям. Это одинаково касается и исследователей литературы и писателей. Только их соединенные усилия сохранят для будущих историков материал, по которому они смогут восстановить величайшую эпоху истории человечества, в которую мы живем.

Антология французской поэзии «От романтиков до современности» вышла в издательстве «Время». Переводы стихов сделаны Бенедиктом Лифшицем. Антология представляет собой попытку дать образцы французской поэзии в наиболее характерные ее образцы за сто лет. Замысел этот сам по себе совершенно правильный и ценный. Наш читатель проявляет все больший интерес к западной литературе и не только к ее современному состоянию, но и к прошлому, определяемому собой ее настоящее. Что касается западной поэзии, то в этом направлении уже многое сделано. Переведены многие важнейшие произведения западной литературы XIX века. С появлением этого сборника не так хорошо. Лучшие западные поэты, заступая известные любому иностранному школьнику, очень мало известны у нас. Многие знают их имена, но очень небольшое количество наших читателей их читало. Разумеется, возможны два пути для ознакомления наших читателей с поэзией Запада. Изучение иностранных языков и переводы иностранной поэзии. В области изучения иностранных языков в нашей стране сделано очень много. Все более широкие массы овладевают европейскими языками. Но полагаться только на это не следует. Второй путь — путь создания полноценных поэтических переводов — имеет у нас все права на существование.

В антологии Бенедикта Лифшица много недостатков. Не все безукоризненно в ней переводы, зачастую случайно сделаны выбор переведенных стихов, весьма недостаточен объем книги в целом. Вообще поэтическая антология за сто лет, составленная из переводов, сделанных одним переводчиком, вряд ли может оказаться удачной. Слишком непохожи друг на друга вошедшие в нее поэты, чтобы отпечаток одной и той же манеры, в какой сделаны переводы, не оказала губительного влияния на многообразия литературных школ и направлений за сто лет.

Но путь намечен правильно. Антология западной поэзии нам нужна. И выпущенные в большем объеме с привлечением лучших поэтов и переводчиков с использованием имеющихся уже переводов, связанных лучших мастеров перевода, этот антология найдут своего читателя. Пусть не вполне удачная попытка издательства «Время» послужит началом систематической работы по доведению до нашего читателя лучших поэтов Запада и Востока.

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ КРИТИКОВ

Открывая совещание, т. П. Юдин говорит о задачах советской критики, из которых основной является задача создания социалистической эстетики, повышение идейного и теоретического уровня критики, для того чтобы она сумела утвердить свой авторитет в глазах советских художников.

Тов. Юдин решительно отвергает пренебрежительные обвинения по адресу

Этим отличительным свойством стиля социализма является, по мнению т. Добина, героический его характер, соответствующий героической практике рабочего класса. Он в рамках творчества Горького сказался именно эти черты героичности, явившиеся резкой гранью между литературой пролетарского революционного класса и предшествующей ей литературой.

Нельзя, конечно, отрицать, что и допротарская литература имела свою героичность. Романтическая литература разных направлений и школ изобилует героями, явившимися вместилищем всех доблестей и добродетелей. Но они были не живыми, холодными. Вот почему художники буржуазного и мелкобуржуазного реализма, черпавшие свой материал из подлинной действительности, вынуждены были отказываться от героев, как вырвавшихся категорически вильный французский критик Мельхор де Бюкье. В отказе от героев вилит отличительное свойство реалистической школы и Белинский и Золя, и Гончаров и многие другие крупные художники и критики, сбитые более закономерным сбитием к «толде и будничной жизни» (Белинский) или к «среднему человеку», по выражению Шеллера.

Когда же художники-реалисты пытались создавать героические образы, то последние, как это случилось с голгофскими персонажами во второй части «Мертвых душ», неизменно получались мертворожденными. Это было неизбежно, ибо, показывая своего героя во всей его реальности, художник буржуазного реализма полостью разобщал и делал ту систему социальных отношений, авторитет которой он не намеревался подрывать.

Художнику рабочего класса, как и любому реалисту прошлого, противники холудные, выдуманные герои, но он отнюдь не делает вывода, что необходимо отказываться от героев вообще: нет, он стремится изображать действительных героев наших дней во всей полноте их чувств, во всей реальности их дел, так как это чувство нового человека социалистического эпохи, так как это дела, направленные на изменение мира, на создание нового, свободного, счастливого общества. Вот почему наша героика возвышена и тогда, когда она приобретает нас в нашей будничной работе, вот почему в ней не могут отсутствовать элементы жертвенности, обаятельности даже тогда, когда они изображают великие жертвы, приносящие во имя раскрепощения человечества.

С докладом о советской прозе и критике выступил т. Г. Корабельников.

Докладчик анализирует те новые явления, которые присущи советской литературе последнего периода. Основное, что следует констатировать, это тот факт, что социалистическая тема стала своей собственной, органической темой советской литературы. То, что вчера являлось актуальным для советских писателей, те вопросы, которые вчера еще со всей страстью ренались в нашей литературе — за или против социализма, — являются теперь для нас творческими, окончательными и бесповоротными в сторону социализма. Наша действительность во многих отношениях уже ясна, определена, и новые люди, новые конфликты, новые ситуации вошли в нашу литературу.

Соответственно должны измениться и задачи критики. Она уже не может исходить, как прежде, только из идеологических позиций писателя, игнорируя художественную специфику его произведения. Сейчас архаическим являются в значительной мере такие монографии, как «Многочисленность» Либедисского, «Тамарченко» Фелднера и т. п., где опять-таки очень много говорится о самом писателе, о его эволюции, идейной направленности, но совсем не говорится о творчестве, не анализируются его формальные приемы, не дается представление об индивидуальных особенностях данного писателя как художника.

Но совершенно несправедливы отдельные обвинения советской критики в том, что она не перестраивается в соответствии с теми задачами, которые ставит перед ней нынешний этап развития нашей литературы. Появились новые имена, появились целый ряд интересных статей и исследований, свидетельствующих о росте марксистско-ленинской литературной мысли, идет чрезвычайно плодотворная работа по овладению высшими завоеваниями современной культуры. Темпы овладения этими высшими, конечно, отстают от общих темпов социалистического строительства, но это уже в достаточной степени осознано, что является дополнительным заданием ближайших побед.

6 августа на вечернем заседании были заслушаны доклады т. Н. Плиско и А. Суринова о критике и поэзии.

Вопрос драматургической критики был посвящен докладом т. И. Альмана (заседание 7 августа). После доклада т. Альмана начались прения. Вчера успели высказаться т. П. Рожков, Г. Левинский (Давгаста), П. Медведов (Ленинград), М. Корнев и др.

Ленинградской областной конференции писателей

Всесоюзный Оргкомитет горячо приветствует ленинградских писателей, собравшихся на свою первую конференцию.

Ленинградские писатели составляют по своему литературному значению передовой отряд нашего союза.

Всесоюзный Оргкомитет уверен, что ваша конференция вслед за съездами и конференциями писателей братских республик явится важнейшим этапом в подготовке всесоюзного съезда писателей.

Работая под руководством ЦК, под непосредственным руководством ленинградского комитета партии и т. КИРОВА, вы добились больших успехов в борьбе за советскую художественную литературу.

Советским писателям предстоит еще огромная и почетная работа по созданию художественных произведений, достойных великой эпохи социализма. Ленинградские писатели в этом почетном деле пойдут и дальше в первых рядах строителей социалистической культуры.

Да здравствует коммунистическая партия и наш великий вождь и учитель т. СТАЛИН!

Да здравствует социалистическая культура!

Да здравствует советская художественная литература и наш великий художник МАКСИМ ГОРЬКИЙ!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ОРГКОМИТЕТ.

НА СОВЕЩАНИИ ЕВРЕЙСКИХ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Всесоюзное совещание еврейских писателей открылось вступительным словом т. Фадеева.

— Ваше совещание, — заявил т. Фадеев, — лучший показатель расцвета культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме. Знаменательно то, что совещание последовало почти сейчас же за провозглашением Биробиджанской автономной еврейской области. Самая угнетенная при царизме национальность получила при советской власти свою подлинную родину.

Факт созыва совещания говорит о вашем росте. Новая советская еврейская литература выросла в борьбе со всякого рода проявлениями империализма, в борьбе против пантукратизма, против шовинизма, в трудной работе по перевоспитанию старой писательской интеллигенции, по созданию новых талантов. Еврейская литература выходит на широкую дорогу.

Перед всей советской литературой, — заканчивает т. Фадеев, — стоят задачи мирового значения. Для того чтобы мы могли их решить, нам необходимо добиться последние остатки классово враждебных влияний. Мы должны добиться высокого качества, чистоты и художественной убедительности.

На том же заседании т. Фадеев сделал обширный доклад о задачах советской литературы, в котором он также коснулся проблем еврейской советской литературы.

Т. Куширинов и Вольерко оставили в своих докладах на пути развития еврейской драмы. Они отметили, что еврейская драматургия уже добилась определенных успехов. Созданы произведения и типы, каких не было в доктябрьской еврейской драматургии. Но достигнута очень мало и основная задача — бороться за повышение качества.

Вчера совещание заслушало четыре доклада о еврейской поэзии. С большим вниманием был заслушан доклад т. Броштинга, построенный на чрезвычайно конкретном и обширном материале, давший обзор развития еврейской поэзии и поставивший ряд творческих проблем.

Такой же конкретностью отличался доклад выдающегося еврейского поэта т. И. Харника, И. Фейера и Перца Маршана.

Доклад о работе с молодыми писателями сделал т. Хашеватский.

С приветствием выступил известный американский еврейский писатель Опатшю.

— Я здесь гость, — сказал Опатшю, — и ваша радость — моя радость. Вы счастливы, ибо претворили в действительность надежды всего трудящегося человечества. Ваша революция, ваша литература зажгли весь мир.

Ветером шли прения по всем докладам.

Сегодня — продолжение прений и доклад т. Литванова о еврейской революционной и буржуазной литературе в Европе и Америке.

Вечером началось прения по всем докладам. Выступили т. Кульбан, Орлянд, Вьюринов, Альбертон, Рабин, Абшун, Гордон, Нипнис, Литванов, Лойтер и Даниэль.

Как докладчик, так и выступающие в прениях указывают на огромный рост еврейской советской литературы, на ее достижения и вместе с тем с большинством самокритичной и вскрыли имеющиеся недостатки.

Тов. Голинер подчеркивает, что существенным недостатком еврейских

Вопросом драматургической критики был посвящен докладом т. И. Альмана (заседание 7 августа). После доклада т. Альмана начались прения. Вчера успели высказаться т. П. Рожков, Г. Левинский (Давгаста), П. Медведов (Ленинград), М. Корнев и др.

На совещании еврейских советских писателей.

СЕГОДНЯ ВО ДВОРЦЕ УРИЦКОГО

(По телефону от нашего корреспондента)

★ Последний день перед конференцией... В Оргкомитете непрерывно трудятся все телефоны, приходят представители заводов, вузов, театров, научных учреждений, военных частей...

★ Гостевые билеты... Дворец Урицкого — одно из самых больших зданий в Ленинграде, но еще больше желающих присутствовать на конференции ленинградских писателей.

★ Уже раздаются мандаты делегатов с решающим голосом членам союза писателей и карточки делегатов с совещательным голосом — кандидатам, руководителями надательств и редакторами газет.

★ Сегодня прибыла делегация всеобщего Оргкомитета писателей: Ю. Опаша, Б. Левин, В. Луговской, В. Империум. Завтра приезжает А. Бельманский и В. Катаев.

★ Завтра ожидается проезд делегатов украинских, белорусских и грузинских писателей.

★ Конференция откроет председатель оргкомитета т. Бауза. Первые доклады сделает К. Федин и А. Толстой.

★ Продолжат поступать многочисленные приветствия писателям Ленинграда. Приветствия посланы: Ленинградским облкомком, Облгоссовет, «Красный путеводитель», Комкадемия, мастера театров.

★ В приветствии командования Ленинградского военного округа говорится:

«Бойцы, командиры округа, глубоко уверены, что областная конференция будет новой значительной вехой на пути дальнейшего расцвета социалистической культуры, на пути дальнейшего творческого роста художественного слова».

★ Ленинградский радиокомитет выделил для обслуживания конференции специальную бригаду.

★ Открытие конференции будет асыято Союзкинохроникой.

★ Закончена реставрация большого зала Дома ленинградского писателя. Здесь будут происходить остальные заседания конференции. В соседних комнатах открыта выставка.

★ Во время конференции и всеобщего съезда газета «Литературный Ленинград» будет выходить каждые 3 дня.

Ленинград, 7 августа.

Фото С. Шингарева

На всесоюзном критическом совещании

критики. Нет необходимости отрицать факта отставания критического сектора нашей литературы, но нельзя уйти и от того факта, что у нас созрели новые, подлинно марксистские литературоведческие кадры, имеющие уже немало серьезных достижений. Критическое совещание должно рассеять всекие нездоровые настроения, поддерживать все программы и унылыми скептицизмами, должно всесторонне осветить ряд проблем, дальнейшее обсуждение которых будет в ближайшем будущем вынесено на трибуны первого всесоюзного съезда писателей. Но главное упало должно быть поставлено обсуждение проблем социалистического реализма, т. е. много на эту тему до сих пор писались и делался ряд моментов, связанных с этим вопросом, остается еще невыясненным.

— Совещание должно, — указывает т. Юдин, — заняться и рядом других вопросов: вопросам создания нормальных условий учебы молодых критиков, достояния дела преподавания литературы в учебных заведениях, изучением тех своеобразных форм классовой борьбы, которые характеризуют нынешний этап советского литературного движения, и т. д. Необходимо также проанализировать и тот процесс дифференциации, который происходит сейчас в нашей литературе, где в основном, по мнению т. Юдина, замечаются две особенности: первую представляют писатели, выделяющиеся своим активным отношением к социалистической действительности (сюда относятся подавляющее большинство писателей коммунистов и беспартийные — М. Шагинин, В. Луговской и др.); вторую представляют писатели дальнего лояльного отношения к нашей действительности не идущие, их творчество не сорвет подлинным онем, радостью участия в нашей великой борьбе (П. Романов, Б. Пильняк и др.). Также же особенности имеются и в нашей критике: одну часть критиков характеризует страстная заинтересованность в нашем деле, а другую часть критиков (Д. Мирского, напр.) — холодный объективизм.

Вопрос о типе советского критика, — заканчивает т. Юдин, — должен быть поставлен со всей остротой. Этот вопрос исключительно важен, и в разрешении его кроется заинтересованная вся советская литература.

С докладом на тему о социалистическом реализме выступил затем т. М. Розенталь.

Докладчик указывает, что нельзя недооценивать значения масштабов и трудности разработки проблемы социализма, так как в данном случае речь идет о новом в истории литературы методе, о создании всесторонне разработанной марксистско-ленинской эстетики. Несмотря на ряд выводов и даже смелых высказываний, имеющих место на всех дискуссиях, наша литературная теория и критика все же претерпела значительную работу по выяснению основных принципов социализма.

Основной недостаток в том, что слишком затянута, так сказать, «пухлой» период этой огромной проблемой. Давно пора было уже перейти к глубокому систематическому освещению на историческом материале и материалы советской литературы отдельных вопросов, отдельных сторон этого метода: содержание и форма, типичный характер в буржуазной и советской литературе, вопросы композиции, сюжета и т. д.

Тов. Розенталь посвящает значительную часть доклада анализу основных предположений возникновения и развития социализма.

Одной из важнейших предпосылок является тот факт, что пролетариат — наиболее реалистический и марксистско-ленинская теория, теория органи-

зации, является теоретической основой не только философских принципов пролетариата, но и его политики, экономики, всей его разносторонней деятельности, в том числе и на фронте литературы и искусства. Именно в этой «теории отражения» — философские принципы реалистического мировоззрения пролетариата (и искусства социалистического реализма в частности).

Таков первый источник, первая предпосылка метода социализма в советской литературе. Из него вытекают и следующие предпосылки — предшествующая история искусства и литературы. Социализм нужно рассматривать как итог, вывод из истории литературы. К этому тактике такой остротой, остротой является проблема классического реализма, отношение к литературным методам прошлого. Социализм как метод представляет новое явление в истории литературы, его отношение к методам прошлого определяется задачами пролетариата в области литературы, задачами художественного отражения социальной действительности.

И, наконец, третий источник, решающая основа социализма — развивающиеся в нашей стране социальные отношения, социалистические люди и литература, отражающая их.

Тов. Розенталь подчеркивает также, что в лучших произведениях советской литературы нетрудно усмотреть наряду с новыми идеями устремлениями и новые стиливые качества. Самым большим недостатком критики является тот факт, что до сих пор не претерпела работу, которая на конкретном материале таковы произведения, как «Железный поток», «Матем», «Человек», «Цемент», «Разгром», «Поднятая целина», «Бруски», «День второй», «Большой конвейер» и пр., показала бы новый стиль складывающейся советской литературы. Тогда можно было бы видеть, что метод социализма вытекает как совершенно реальная тенденция из нашей литературы.

Докладчик указывает также на опасные явления, имеющие место в некоторой части критики. Наибольшую опасность представляет собой вульгарный социализм, выдаваемый за стопроцентный марксизм. На ряде конкретных примеров т. Розенталь показывает, что этот вульгарный социализм получена в последнее время довольно широкое распространение. Необходимо, следовательно, мобилизовать всю нашу литературоведческую мысль для того, чтобы опасное явление локализовать, для того чтобы разоблачить псевдомарксистские упрощения такого типа, в частности необходимо объявить войну тенденциозной части критиков рассматривать социализм не как художественный метод, а как мировоззрение, как лозунг, определяющий только мировоззренческую направленность писателя, игнорируя то, что он определяет художественные, творческие принципы советской литературы.

Посвящая последнюю часть своего доклада характеристике основных явлений в советской литературе, констатирует ее огромный идейный и художественный рост. Т. Розенталь подробно анализирует и ее недостатки. Главнейшие из них — однообразие, публицистичность в изображении типичного, замена этого последнего работой по выяснению основных принципов социализма.

Основной недостаток в том, что слишком затянута, так сказать, «пухлой» период этой огромной проблемой. Давно пора было уже перейти к глубокому систематическому освещению на историческом материале и материалы советской литературы отдельных вопросов, отдельных сторон этого метода: содержание и форма, типичный характер в буржуазной и советской литературе, вопросы композиции, сюжета и т. д.

Тов. Розенталь посвящает значительную часть доклада анализу основных предположений возникновения и развития социализма.

Одной из важнейших предпосылок является тот факт, что пролетариат — наиболее реалистический и марксистско-ленинская теория, теория органи-

МАЛЬЧИК

Я бы предупредил: придет поэт, мальчик. Ну, что же? Мальчики и девочки, сочиняющие стихи... всегда обычное явление у нас. И всегда с ними невозможно трудно, потому что в большинстве случаев они еще не умеют писать стихи.

Иногда видишь, что им вообще не нужно заниматься этим трудным делом, ибо у них нет того совершенного слуха на звучность слова, который необходим стихотворцу так же, как музыканту. Бывают у детей и неплохие стихи, но это в тех случаях, когда они вписаны каким-нибудь крупным поэтом прошлого или «модным» в настоящее. И не только вписаны, а почти списаны. Приходится говорить таким маленьким поэтам не очень приятные речи, а у поэтов этих уже разубоженное самолюбие, рдственики, знакомые, сверстники, товарищи по школе уже назвали их «сталактитами». Так как мы вообще «жить торопымя и чувствовать спешим», мы торопымя и преждевременно показываем человека, а преждевременная похвала в наше время непрерывного соревнования героя труда отражается на ребятах не очень благоприятно и даже более того — очень неблагоприятно. Дети наши — отличные дети! Но они заслуживают крайне внимательного и строго серьезного отношения к ним.

И вот явился поэт. Очень красивый мальчик, возраст его — девять лет с половиной, но он казался года на три старше. Уже в том, как он поворачивал со мной, я отметил нечто знакомое мне и трудно определимое. Уверенные в своей талантливости, так же как и робкие, здороваясь не так. В нем не чувствовалось той развязности, которая как бы говорит:

— Вот я какой, любуетесь! Не заметно было и смущения, свойственного тем юным поэтам, которые приходят к писателю точно школьники на экзамен. Можно было подумать, что этот, девятилетний, спокойный со мной равнодушием со взрослым.

— Кто из поэтов прошлого особенно нравится? — спросил я. — Конечно, Пушкин, — уверенно ответил он. — А из прозаиков? — Тургенев, — Тургенев он называл не так уверенно и точно добавлял: — но я давно уже читал его. — А как давно? — Месяцев шесть назад.

Нельзя было не заметить, что в его возрасте я едва знал грамоту, читал только «Сказки» на церковно-славянском языке и что позднее у меня было время, когда за шесть месяцев я ни одного раза не держал в руках книги. Я спросил поэта:

— Вы пишете лирические стихи? — Нет, политические. Но писал и лирику. Кажется, у меня в архиве сохранилось стихотворение дватри. Переводил с немецкого Шиллера, Гейне... и тут, как будто невозможно смутно, он сообщил: — Даже издавал маленькая книжка моих стихов.

Я почувствовал, что не знаю, но знаю, как и о чем говорить с этим человеком. И что мне даже смотреть на него невольно. Гость этот похож на мистификатора. Рядом с ним сидит его мать, и мне кажется, что сын смущается так же, как меня. Она торопливо рассказывает, подтверждая мою догадку:

— Страшно интересует политическую. Когда отец приходит со службой, он прежде всего отнимает у него газеты. Он — вожатый пионеротряда. Большая общественная нагрузка. И, представляете, не устают! Вообще дети становятся... удивительными. Сестра его начала говорить на сельском месяце, теперь ей полтора года, отлично говорит! Просто не знаешь, что делать с такими...

Я предложил поэту прочитать его стихи. Несколько секунд он молчал, а потом:

— Это и побуждало меня сказать, что это случалось, когда не следует стесняться своим талантом.

— Это из письма Потемкина Раевскому, — заметил 10-летний человек.

— Поэта Потемкина? — спросил я. — Нет, фаворита Екатерины II. А разве есть поэт Потемкин? — Был.

— Я прочитаю небольшую поэму у Гитлера и Геббельса, — сказала мать.

А я думаю, что сейчас произойдет что-то, интересное, смешное, и обнаружится багровое «сшибающее» явление. Но — не обнаружилось. Неожиданное произошло, не заключая в себе ни единой ноты смешного. Читая мальчик — плохо, с теми досадными замечаниями, которые взрослые поэты пытаются выдать за пафос. Но его стихи, написанные в духе стихов Маяковского, показались мне технически грамотными. Возможно, что в я этом ошибаюсь, ибо я был совершенно поражен изумительной силой эмоции мальчика, его глубиной и острой ненавистью к извергам. Стихи могли быть уродливы, но призрачно была ненависть ребенка к злодеям и злодеяниям. Это физический здоровый мальчик читал стихи такой густой силой, что я минуты две не решался взглянуть в его лицо, — не хотелось увидеть его испуганные глаза. Но лицо только разгорелось густым румянцем и ярко сверкали темные глаза, уже не глаза мальчика, летящие лет, а взрослого человека, который наполнял каждое слово свое горючей и кипевшей силой той же человеческой ненависти, которая может быть вызвана только глубочайшей любовью к людям труда, к людям, погнавшим под власть мразавцев и убийц, к тем, кто пытался заставить Дмитрова и хочет убит «Землянку» как убитых множество борцов за свободу пролетариата.

Трудно, невозможно рассказать о силе революционного чувства маленького певца, спешившего нам, — мне, Бабелю и другим, кто слушал его, — славу ненависти, воинствующей за любовь. Было даже как будто жутко сознавать, что эту силу поэт ребенок, а не взрослый, а затем, когда он кончил, было грустно, что взрослые поэты не обладают силой слова в той изумительной степени, какую воспитал в себе этот мальчик, еще не страдальщик за время своей маленькой жизни, но так глубоко ненавидящий страдание и тех, кто заставляет все более страдать мир трущобных, скванных цепями капитализма ивие, отравленных ядом всемирного мещанства изнутри.

Прочитав стихи, просидев минуты две в тишине общего изумления, поэт пошел играть в мяч с детьми. Играл он с криками, хохотом, то со силой увещания ири, какая свойственна здоровому, нервно-нормальному ребенку десяти лет. Вообще он никак не походил на «вундеркинда», каких мне приходилось видеть и которые, даже прожив полсотни лет, все еще называются Митями, Мишами, Яшами.

Очень сожалел, что не записал хоть несколько строчек его поэмы. Прощаясь, я сказал ему, что не буду хвалить его и не дам ему никаких советов кроме одного: учиться, но особенно утомляя себя, не забывай, что ты еще ребенок.

Он поблагодарил и, улыбувшись, уменьшкой улыбочкой, проговорил: — А меня как-то профессор все убеждает не заниматься. Но я — не учусь. Я очень хочу и люблю учиться. Все знать и хорошо работать — такое счастье.

Конечно, мальчик, поэт-публицист, — фигура исключительная. Возможно, что многим напомнит он Молдара, который начал писать музыку, когда ему было 6 лет. Вполне возможно, что в 10 или 29 лет этот мальчик покажет себя социальной силой огромного значения. Это зависит не столько от него, как от разумного, бережного отношения взрослых к процессу его развития. В данный момент этот мальчик является одним из признаков яркого цветения массы наших детей.

Критически настроенные коллекционеры отрицательных явлений жизни ищут — и находят — отрицательные явления и в среде наших детей. Известно, что «в семье не без урода», это подтверждается фактом бытия детей-художников, а также и фактом бытия тех отщепенцев — регистраторов, табельщиков — пошлости и подлости, которые отмечают старинные пошлости и подлости с наслаждением как нечто леопольдовое даже и в бесклассовом обществе. Критика — это второе имя юности. Метла — это второе имя юности. Метла — это второе имя юности. Метла — это второе имя юности.

В русской литературе для детей очень много хороших книг. Я бы просил о том, чтобы первые интересные книги переводились на татарский язык.

Есть такая книга Роберт. Эту книгу мы разбирали в своем литературном кружке. В одной такой маленькой книжке 5 слов (переводились). Вместо слова «ляля» (ребенок) написано «ляля» (ведра) и еще ряд других.

У нас, у пионеров, денег нет. Цены на книги высокие. Несмотря на это обложки книг не очень-то хороши. Мы просим издательство и Оргкомитет, чтобы детские книги выпускались технически хорошо и чтобы цены на них были нам доступны. (Смех, аплодисменты.)

Тов. Рязанов в своем докладе сказал, что в рассказе «Ташбай» непонятные для детей слова. В этом рассказе есть красноармейские слова. В будущем мы, пионеры, будем красноармейцами, и поэтому здесь нет для нас непонятных слов. Наши пионеры уже знают красноармейские слова. (Бурные аплодисменты.)

Товарищи писатели, я хочу еще остановиться на вопросе о переводе. Для VIII класса вышла книга по геометрии. Там есть теоремы. В этой переводной книге очень многие предложения пишутся русскими словами. Ученики VIII класса читают, почитают, но ничего в этой книге не понимают. Затем у преподавателя берут русскую книгу, и по ней уже они читают геометрию. Я думаю, что наши преподаватели и переводчики должны на перевод обратить серьезное внимание.

Товарищи большие писатели, мы просим вас участвовать в наших газетах и журналах. (Бурные аплодисменты.) Мы желаем, чтобы старшие писатели писали приближенно к нам. (Бурные аплодисменты.)

Думаю, что комментарий к этим речам детей не требуется. Совершенно естественно, что дети становятся грамотнее и разумнее отцов. Но, разумеется, гораздо менее естественно, что мальчики являются социально грамотнее, чем литераторы, и вполне возможно, что это печальный признак неграмотности последних.

Наши дети живут в стране фантастических событий, мысль и воображение их почти непрерывно возмущены, возбуждаемые полетами в стратосферу, невероятными прыжками с высот при помощи парашюта, полетами на планерах, эспоней, мотопланах, гермомоторных летчиков, подвигами гусей «китовых людей» и тому подобными явлениями, которые создают освобожденной энергии их отцов.

Произведенная в Ленинграде проверка даровитости детей является неоспоримым доказательством быстрого и счастливого развития «смены» комсомолом. Кстати: пресса не сумела отметить значения этого опыта.

Предо мною заданная в Иркутске книга «База курносых» (пионеры о себе). Книжка «База курносых» — коллективная работа 32 пионеров, мальчиков и девочек, возраста от 10 до 15 лет, 15-летних — одна. Их «вожатой» — 15 лет. Написали они 2 печ. листа по 56 тыс. знаков в листе. Книжка иллюстрирована, прилагаю образец рисунка.

Тов. Кави Наджиам нам обещал закончить свой рассказ «Песни ложечников», но несмотря на обещание, после которого уже прошло 2 года, обещанного рассказа все еще нет.

Второй, 14-летний, произнес довольно большую речь, и вот выдержки из нее:

В нашей 13-й школе есть литкружок. Этот кружок довольно хорошо работает. Кружковцы-пионеры литературой интересуются. Они стараются повышать свои знания, глубже изучать литературу. Но руководит нашими кружками руководит преподаватель литературы и языка. Но наши преподаватели сами плохо знают литературу. (Смех, аплодисменты.)

В проведенных нет живых приложений, нет юмора. Я от имени пионеров прошу, чтобы преподаватели вводились смешные моменты.

В русском языке Роберт. Эту книгу мы разбирали в своем литературном кружке. В одной такой маленькой книжке 5 слов (переводились). Вместо слова «ляля» (ребенок) написано «ляля» (ведра) и еще ряд других.

У нас, у пионеров, денег нет. Цены на книги высокие. Несмотря на это обложки книг не очень-то хороши. Мы просим издательство и Оргкомитет, чтобы детские книги выпускались технически хорошо и чтобы цены на них были нам доступны. (Смех, аплодисменты.)

Тов. Рязанов в своем докладе сказал, что в рассказе «Ташбай» непонятные для детей слова. В этом рассказе есть красноармейские слова. В будущем мы, пионеры, будем красноармейцами, и поэтому здесь нет для нас непонятных слов. Наши пионеры уже знают красноармейские слова. (Бурные аплодисменты.)

Товарищи писатели, я хочу еще остановиться на вопросе о переводе. Для VIII класса вышла книга по геометрии. Там есть теоремы. В этой переводной книге очень многие предложения пишутся русскими словами. Ученики VIII класса читают, почитают, но ничего в этой книге не понимают. Затем у преподавателя берут русскую книгу, и по ней уже они читают геометрию. Я думаю, что наши преподаватели и переводчики должны на перевод обратить серьезное внимание.

Товарищи большие писатели, мы просим вас участвовать в наших газетах и журналах. (Бурные аплодисменты.) Мы желаем, чтобы старшие писатели писали приближенно к нам. (Бурные аплодисменты.)

Думаю, что комментарий к этим речам детей не требуется. Совершенно естественно, что дети становятся грамотнее и разумнее отцов. Но, разумеется, гораздо менее естественно, что мальчики являются социально грамотнее, чем литераторы, и вполне возможно, что это печальный признак неграмотности последних.

Наши дети живут в стране фантастических событий, мысль и воображение их почти непрерывно возмущены, возбуждаемые полетами в стратосферу, невероятными прыжками с высот при помощи парашюта, полетами на планерах, эспоней, мотопланах, гермомоторных летчиков, подвигами гусей «китовых людей» и тому подобными явлениями, которые создают освобожденной энергии их отцов.

Произведенная в Ленинграде проверка даровитости детей является неоспоримым доказательством быстрого и счастливого развития «смены» комсомолом. Кстати: пресса не сумела отметить значения этого опыта.

— А мы, — подхватил секретарь, — из первой статьи что-нибудь отомьем и пошлем вам.

— И будем переписываться. — Дашь крепкую связь!!! По дороге долго сочиняли песню: Пусть вперед — летит провиденный, Сердце в груди — как уголь раскаленный и т. д.

В этой маленькой книжке рассказано очень много. На двух с половиной листах ребята рассказали о своей жизни в школе и в семье, при чем семье отведено места значительно меньше, чем школе. Между прочим, в ней есть глава «А писатели...» и в этой главе рассказано такое:

«К нам в лагерь хотели приехать писатели. Мы жили их с радостью, — ведь как же, к нам придут сибирские писатели! Мы готовили стихи, убрали обществу, подместили дворы, писали плакаты и т. д. Вот подошел день приезда писателей. Ждем не дождемся! Нет, не приехали писатели. А может завтра придут?! Вот посмотрим, подождем ли лагерь машина.»

— Ура, писатели! Ура! — выкрикивали ребята со всех сторон. Смотря, машина приехала за известкой. Большое огорчение было у ребят. Ну, может, завтра придут, — думали ребята. Машины нет, наверное в городе, да и дорога плохая. Ну, ладно, «завтра».

Странным на обел. Вдруг, смотрим, едет легковая машина. «Писатели», — прохрипел с одного конца линейки на другой.

— Ну да, писатели! Ребята фыркали с мест и бегут к машине. Все встает вместе с Галей кричат: «Стойте!»

Но ребята не слушают и бегут. Вот окружили машину. Дальше нет хода машине. Тогда выходит из машины мамаша с папашей, да такие важные.

— Ну и писатели! Так и не приехали к нам в лагерь. Зря была радость ребят.

Разумеется, «ничего особенного», но нехорошо. Если сибирские писатели, прочитав этот очень мягкий упрек детей, подыстают, я могу сказать им, что писатели московские относятся к пионеру так же небрежно и обидно. Это я говорю не для того, чтоб утешить сибиряков.

Кажется, эта книжка — первая попытка пионеров рассказать о себе. И, на мой взгляд, особенно ценно, что эта попытка коллективной работы в области индивидуально ограниченной не скрыла, не стерла своеобразия некоторых авторов. Говорить о даровитости их — преждевременно, а талантливость всего коллектива — неоспорима. И, мне кажется, следует всячески приветствовать эту интересную попытку самостоятельной «литературной учебы» литкружка иркутской 6-й ФЭД.

Я уверен, что мы научимся очень хорошо работать, если поймем значение коллективной работы познания, а также изображением крайне сложными явлениями нашей жизни, изучая эти явления коллективно при помощи искренней, дружеской взаимопомощи и затем организуя приобретенный опыт индивидуально, в образах, картинах, романах, рассказах.

В издательстве «Молодая гвардия» выходят книги В. АРСЕНЬЕВА, иллюстрированные художниками С. БИГОС и Е. БУРГУНПЕР. Мы помещаем иллюстрации ко второму тому «Дерсу Узала».

«Дерсу Узала» — это тема — определенное, звучащее прямо противоположен традиционному «стилю — это человек». Для утверждения этого тезиса не надо идти путем подбора цитат, хотя даже цитаты не трудно установить, что искажение подлинной философской формулы Дерсу Узала, c'est de l'homme même и положения Вакерманса, с которого, по существу говоря, списывают теории стили уже сто лет, обусловлено теми ложными представлениями о «психологии творчества», на которых строились рассуждения о стиле в эпоху расцвета буржуазного индивидуализма. Представления эти перешли и в советскую литературу как в «устойчивую традицию» писателей старой школы, так и в литературоведческие работы: переводных и «отечественных» — П. Сакулина, Л. Гроссмана, В. Перевезрева, теоретико-формалистов и т. д.

Вполне созвучны представлениям этим и высказывания писателей. Постоянно приходится слышать о «поисках» такого рода, чаще всего жестоко отражающихся на языке в стиле. Именно потому, что идут они не в том направлении, в котором должны идти: авторы «ищут стили» для себя, для выявления своего авторского «своеобразия», создания себе «оригинального», «на других непохожего» писательского языка, а не для темы. Это неверно: нельзя одним стилем писать на всякую тему: каждая тема требует — для верного, конкретного, живого раскрытия ее — своего, особого, только ей присущего стиля.

Писатель-художник пишет одним стилем на разнообразнейшие темы тогда только, когда всякая тема, им избираемая, сводится к теме: «ка», «ка» является единственной темой писателя. Тогда для него, как для прославленного (и действительно топящего) стилиста Реми де Гурмона, стиль — «вопрос чисто физиологического порядка». Для старой литературы буржуазной, резко индивидуалистической, это было в известной мере правильно. Для сегодняшнего советского для это применение лишь к эпиграмам индивидуализма, пишущим, как писали предшественники их, о себе и в сущности для себя.

Типичным примером такого «индивидуального» стиля может служить стиль Андрея Белого. То же «единство я» определяло «единство стиля» Ю. Олеши, того, наместе, прозаического уже периода его творчества, когда он писал: «Наперекор всем, наперекор порядку и обществу я создаю мир, который не подчиняется никаким законам кроме признанных законов моего собственного ощущения». Здесь же корень «единого стиля» В. Пастернака, И. Бабеля, А. Антокольского, О. Мандельштама, М. Пришвина, формалистов.

В. Шолоховский индивидуальным стилем пишет о Достоевском, о кинокартинах, о мавзерах Красной армии. Поэтом мы не видим Достоевского и не видим Красной армии: мы видим только Шолоховского. И наконец в патристическом, самому себе наившем стиле Б. Пильняка разне не стоят первым, все остальное заставляющим и искажающим планом сам Пильняк в натуральную (и даже ненатуральную) величину.

Большинство переписанных мной имен — имена несомненных мастеров слова. Бабель — лучший наш новеллист. Мастерство Пришвина высоко ценит даже такой строгий судья, как Алексей Максимович. О Мандельштаме, талантливый и искривленный писатель. То же надо сказать об Антокольском и Пастернаке. Но именно это — подлинное мастерство — и делает пример их особо показательным. «В прежние времена» после своего собственного мастерства эти писатели были бы несомненно вытеснены в нынешнем или в старом в меру того, как мы уходим от старого и рады «старых», старых

мирор завещанных нам, читателей редует. Ибо для нового писателя поному ставится вопрос «тема».

Мне думается: несмотря на все хронические слова о читателе, которые стали в литературном обиходе нашим обычными, несмотря на постоянные напоминания о необходимости следовать примеру Ленина, каждое слово которого доходило до масс именно потому, что, беря в руку перо, он видел перед собой рабочих, крестьян, тех, для кого писал, — большая часть писателей наших пишет все еще по-революционному, без адресата, для себя. «Помнить» о читателе, когда пишешь, конечно, нельзя: в процессе работы видеть его можно только так, как видел Ленин: само собою, без думы. Но для этого надо быть так органически слитым с движением, так жить движением этим, как Владимир Ильич. Но в органическом включении мы ищем все еще очень медленными шагами. В итоге авторы зачастую не учитывают даже того основного его качества, которое резко отличает новую читательскую массу от старой: высокую ее активность.

Современный читатель хочет «делать выводы» сам. Он не берет на веру ни чуждым, ни переживаний автора. Нашему читателю нужен в первую очередь живой и верный поназ действительности: в литературе он ищет прежде всего фантом, способный расширить его жизненный опыт, фантом для него новых или раскрытия известных ему фактов до глубины, до которых он сам еще не дошел своим недостаточным еще взором. Недостаточно еще «опытным» глазом. Но раскрытия эти — такие показом. «Впечатления» и «переживания» автора — дело второстепенное: не ими определяются «переживания и впечатления» читателя, а показом и строгим анализом фактов, вызвавших авторские эмоции, принцип и самые фантом читатель берет под проверку. Читатель требует подлинного искусства: потому что подлинное искусство всегда в «показе», старых

Именно этим связаны и вечны «классики». Гомер, Шекспир, Гете «только изображали, подверженаясь от чего-либо иного». Стендаль знал: «Есть способ изобразить, заключающийся в том, чтобы показывать факты, вещи и не говорить о произвольном или эффекте». Высказывая аналогичного порядка можно найти у всех крупных мастеров прошлого. Установка, таким образом, не новая: именно является то, что для нашего времени она является единственной. Ибо только она отвечает требованиям социалистического реализма.

«Я» как всеобщая, единственная точка социалистическим реализмом снимается. Потому что действительностью нашей снимается «единичность» личности — противопоставление ее коллективу. Единичность в наших условиях мыслится только как «дурное единичность», как итог несобственности включиться в действительность по собственной вине: ибо все условия для такого включения жизни даны. Тем самым единичность воспринимается очевидцами его как трагедия, а как фантом, быть может, приспосабливаемый, но не возмущаемый.

В меру того, как художник дополняет, самой жизнью своей включается в нашу великую стройку, он неизбежно сознает, насколько обусловлено его личное творчество. Художник любого вида искусства это касается не меньше, чем работник в других областях строительства новой жизни: много ли из того, что мы заносим на свои страницы, мы вправе назвать дополнением исключительно своим.

Тем самым в корне изменяются взаимоотношения писателя и темы: он начинает жить в теме и тем самым выходит из темы как «единичное». Но с момента, как тема перестает быть средством «показа» автора и «единичностью» от других, она, и только она, указывает автору и нужные для показа ее изобразительные средства: другими словами, она определяет стиль произведения. И стиль этот будет меняться в зависимости от темы тем резче, чем значительнее писательское мастерство: ибо показ действительности — нынешней и прошлой во всем многообразии

образ может быть создан художником только на основе диалектического изучения общественного процесса, звеном которого является данный образ: только на этой основе возможно правильное разрешение «вединой задачи искусства — выбор частного» (Меринге).

«Рисовать» — значит видеть пропорции, и потому никогда не позволяйте себе видеть одну часть без всего общего, т. е. вы рисуете не нос, не глаз, не рот, не ухо, не голову, не руку, а какую роль играет на лице и т. п. Всякий раз, когда рисуете часть, рисуйте ее в смысле общего».

Между тем обычный метод «подбора материала» писателями идет именно по линии «зарисовки носов» — «вне смысла общего». Писатель, как правило, читает и «собирает» только то, что непосредственно относится к избранной им теме, или даже, правильно и точнее сказать, к наземному им сюжету, в литературной практике слишком часто подменяющему «тему». Для подлинного освоения нужен совсем иной путь: зачтению решающую роль играют знания, непосредственного отражения в данном романе не получаемые: в первую очередь знания общие, знания не частности, а основа. Именно эти меньше всего уделяют внимания писатели. Между тем на примере каждой выходящей у нас книги можно доказать, что степень успеха прямо пропорциональна знанию автором темы — на непосредственное знание. Именно такое специальное знание выдвинуло из бесконечного потока «колхозной литературы» Шолохова, Панферова и Станского: пример последнего особенно показателен, так как по одаренности своей и по мастерству слова он не может быть отнесен к писателям выдающимся. Его подлинная «литературная» хлебозаготовительная его практика, обеспечивавшая и правильность политических установок и подлинное знание материала. Так же «неоспорительно», «специально», не с прилагая, а из практики знают деревню Шолохов и Панферов.

И наоборот, мы наблюдаем неизменно снижение стили для даже полную потерю его, когда писатель не

решит от хорошо освоенной им «жизненной» для него темы к теме поверхности, по-деллантски «схващенной». Это особенно заметно на писателях старшего поколения, тем более, что в силу отмеченного уже «традиционного» понимания «собственного стили» они пытаются держаться изобразительных приемов, найденных в работе над прежними, органически освоенными ими темами, не учитывая, что для новой темы старый прием уже не подвозжен. А чаще всего и вовсе неграмотно, «снижение», вызванное этой причиной, само собой разумеется, явление временное, вполне исправимое — в меру освоения новой тематикой; и расценивая его как приговор писателю, как свидетельство его схода с литературного фронта было бы несправедливо.

Как пример такого «переходного» снижения в связи с недостаточным освоением темы можно указать хотя бы «Скутаревского» Леонова.

Пример обратный — способность Федина, писателя особо чуткого к вопросам стили. Его «Города и годы» и «Братья» разностильны. Значимость различия усугубляется тем, что оба романа сделаны на материале одной и той же эпохи. Но в связи с эволюцией писателя изменился взаимосоотношения между ним и темой. Если в первом романе «ка» было темой, определявшей стили, то в «Братях» вступает в свои права тема эпохи, хотя и не до конца освоенная. И соответственно меняется стили.

«Сохранение лица» может считаться не достоинством, а пелотатком: я в полной мере разделяю точку зрения Фабера: «Художник должен видеть свое дело так, чтобы потомки думали, что он не существовал».

СТИЛЬ—ЭТО ТЕМА

С. МСТИСЛАВСКИЙ

«Стиль — это тема» — определенное, звучащее прямо противоположен традиционному «стилю — это человек». Для утверждения этого тезиса не надо идти путем подбора цитат, хотя даже цитаты не трудно установить, что искажение подлинной философской формулы Дерсу Узала, c'est de l'homme même и положения Вакерманса, с которого, по существу говоря, списывают теории стили уже сто лет, обусловлено теми ложными представлениями о «психологии творчества», на которых строились рассуждения о стиле в эпоху расцвета буржуазного индивидуализма. Представления эти перешли и в советскую литературу как в «устойчивую традицию» писателей старой школы, так и в литературоведческие работы: переводных и «отечественных» — П. Сакулина, Л. Гроссмана, В. Перевезрева, теоретико-формалистов и т. д.

Вполне созвучны представлениям этим и высказывания писателей. Постоянно приходится слышать о «поисках» такого рода, чаще всего жестоко отражающихся на языке в стиле. Именно потому, что идут они не в том направлении, в котором должны идти: авторы «ищут стили» для себя, для выявления своего авторского «своеобразия», создания себе «оригинального», «на других непохожего» писательского языка, а не для темы. Это неверно: нельзя одним стилем писать на всякую тему: каждая тема требует — для верного, конкретного, живого раскрытия ее — своего, особого, только ей присущего стиля.

Писатель-художник пишет одним стилем на разнообразнейшие темы тогда только, когда всякая тема, им избираемая, сводится к теме: «ка», «ка» является единственной темой писателя. Тогда для него, как для прославленного (и действительно топящего) стилиста Реми де Гурмона, стиль — «вопрос чисто физиологического порядка». Для старой литературы буржуазной, резко индивидуалистической, это было в известной мере правильно. Для сегодняшнего советского для это применение лишь к эпиграмам индивидуализма, пишущим, как писали предшественники их, о себе и в сущности для себя.

Типичным примером такого «индивидуального» стиля может служить стиль Андрея Белого. То же «единство я» определяло «единство стиля» Ю. Олеши, того, наместе, прозаического уже периода его творчества, когда он писал: «Наперекор всем, наперекор порядку и обществу я создаю мир, который не подчиняется никаким законам кроме признанных законов моего собственного ощущения». Здесь же корень «единого стиля» В. Пастернака, И. Бабеля, А. Антокольского, О. Мандельштама, М. Пришвина, формалистов.

В. Шолоховский индивидуальным стилем пишет о Достоевском, о кинокартинах, о мавзерах Красной армии. Поэтом мы не видим Достоевского и не видим Красной армии: мы видим только Шолоховского. И наконец в патристическом, самому себе наившем стиле Б. Пильняка разне не стоят первым, все остальное заставляющим и искажающим планом сам Пильняк в натуральную (и даже ненатуральную) величину.

Большинство переписанных мной имен — имена несомненных мастеров слова. Бабель — лучший наш новеллист. Мастерство Пришвина высоко ценит даже такой строгий судья, как Алексей Максимович. О Мандельштаме, талантливый и искривленный писатель. То же надо сказать об Антокольском и Пастернаке. Но именно это — подлинное мастерство — и делает пример их особо показательным. «В прежние времена» после своего собственного мастерства эти писатели были бы несомненно вытеснены в нынешнем или в старом в меру того, как мы уходим от старого и рады «старых», старых

мирор завещанных нам, читателей редует. Ибо для нового писателя поному ставится вопрос «тема».

Мне думается: несмотря на все хронические слова о читателе, которые стали в литературном обиходе нашим обычными, несмотря на постоянные напоминания о необходимости следовать примеру Ленина, каждое слово которого доходило до масс именно потому, что, беря в руку перо, он видел перед собой рабочих, крестьян, тех, для кого писал, — большая часть писателей наших пишет все еще по-революционному, без адресата, для себя. «Помнить» о читателе, когда пишешь, конечно, нельзя: в процессе работы видеть его можно только так, как видел Ленин: само собою, без думы. Но для этого надо быть так органически слитым с движением, так жить движением этим, как Владимир Ильич. Но в органическом включении мы ищем все еще очень медленными шагами. В итоге авторы зачастую не учитывают даже того основного его качества, которое резко отличает новую читательскую массу от старой: высокую ее активность.

Д. Дворецкий "РАДОСТЬ"

Есть такой уровень поэтической грамотности, когда поэт, овладевший техникой стихосложения, утрачивает на какой-то срок черты своей творческой самостоятельности. Так пишут дети, подражающие взрослым. Так взрослые, пишавшие неуверенно, но своеобразно, начинают писать гладкие и не лишённые приятности стихи, в которых, однако, растворяется без остатка творческая индивидуальность их автора. Этот не для всех обязательный период оказывается для иных «поэтов» пределом их роста; поэты же полные преодолевают его силой своего внутреннего созвония.

Стихи смоленского поэта Д. Дворецкого находятся именно на этом уровне. В них достаточно много умения, чтобы скрыть недостатки мысли, и слишком мало настоящего мастерства, чтобы с надлежащей смеелостью выявить черты, присущие только их автору. Любое из стихотворений вполне «годно к печати», но и любое же, будучи напечатанным, остаётся как бы анонимным: столь ничтожно в них содержание самостоятельных, поэтически ценных чувств.

А между тем в их совокупности есть, несомненно, положительные творческие элементы, которые при условии дальнейшего роста Дворецкого могли бы быть развернуты в стройную поэтическую систему. Стихи Дворецкого конкретны и оптимистичны; их априорность лишена какой бы то ни было ущербности чувств и не очень глубоко, но, несомненно,

искренно сопряжена с социальной «радостью бытия». Но и конкретность и прочие хорошие качества попросту тонут в легкой, поверхностной и безличной округленности стихов, при которой удачная строчка почти незаметно переходит в неудачную и поэтически фальшивую.

Г. ЛЬОВ.

Знамя обл. госуд. изд-во, Смоленск, 1934, тир. 3000, стр. 30, ц. 55 к.

Писатель Ю. Берзин побывал в Казахстане. В прошлом у Берзина были творческие ошибки, и его литературное гурманство ставило его в ироническо-созерцательную позу по отношению к действительности. Ошибки писателя свидетельствуют о прорехах в его мировоззрении. Их нельзя вытравить добросовестной правкой старых рукописей: нужно, чтобы уменьшенная в этих рукописях действительность повернулась к читателю всей полнотой своего живого и достоверного содержания. Иначе говоря, нужно, чтобы писатель умел видеть не, как привыкшая глаза дающей и не притрагивая их к заранее преиспеченным схематическим представлениям, а открывал их к заранее преиспеченным схематическим представлениям. Только при таких условиях он сможет справиться с теми же ошибками, дав им генеральный бой на новых творческих полях.

В результате своего пребывания в Казахстане, т. е. в результате сопоставления всего своего творческого прошлого с огромным материалом строящегося в нашей стране будущего Берзин написал новую книгу «Возвращение на Итуку».

Считается допустимым относиться с легкой долей почти благожелательной иронии к подобному методу писательского ознакомления с действительностью: дескать, очерченная прозой реальная прогулка! А между тем даже в тех случаях, когда это и правда только прогулка, она непременно отодвигается какими-то новыми качествами в сознании совершающего ее писателя. Ибо нужно быть только врагом или как бы слепым на все свои пять чувств, чтобы не увидеть великое наращение социалистической мощи в любом отрезке нашей действительности, особенно в таком, который создается заново почти на пустом месте. А увидеть это — значит задуматься, а задуматься — поведать прийти к необходимости мировоззренческой переоценки ценностей. Что же скажут о писателе, который с головой окунается в «житийское море», чтобы очиститься от пятой индивидуальности и найти творчески новое выражение уже назревшей необходимости подобной ревизии мировоззрения? Конечно он выплывает в такие творческие просторы, каких он раньше не знал, и если его дыхание, т. е. писательское мастерство, будет им соразмерно, он создаст действительно хорошую, нужную и зрелую книгу.

В отличие от своего сознательного и прогуманного обращения к глубинным пластам новой действительности как к творчески озорывающему материалу, Берзин, находясь перед своей книгой (писателя Улиаса) почти абсолютной социальной неосприимчивостью, заставляет пережить его столкновение с этой действительностью, почти как катастрофу.

Конечно, новая действительность — это понятие не локальное, а социальное, и не нужно обязательно ездить в Казахстан, чтобы ее ощутить, принять или внутренне отвергнуть. Условие образа Улиаса в том, что в первоначальном своем состоянии он к ней совершенно нейтрален; у него есть прочное и сильное сознание собственного превосходства над литературно воспринимаемыми им явлениями жизни, подкрепленное несложной созерцательной философией: «Жизнь — это вещь, данная вам на хранение; и берегите ее!». Пусть этот образ, в котором, вероятно, персонажи

проявлено кое-что из чувств, преодоленных самим Берзиным, внешне правдоподобно: в своем развитии по ходу действия романа он настолько отклоняется от первоначальной своей схемы, что в конечном счете совершенно отрицает необходимость ее для романа. И дело здесь совсем не в радикальности переживания Улиаса, а в логике материала, полнокровие которого обложало композиционную прямолинейность образа Улиаса и заставляло автора найти иные соотношения героя с действительностью, чем это предусматривалось его замыслом.

Писатель Улиас, который впервые появляется на страницах романа, отгорожен от большой действительности не только комматным пониманием своей профессии, как это представля-

ется некоторым критикам. В гораздо большей степени он изолирован от нее искусственно: волей автора, который как бы держит его в этом отношении на самом скромном литературном пайке. Расчет простой и смелый: окунуть его потом в гущу этой самой действительности, как голубой в пробур, чтобы огромный материал новых впечатлений своего автора приобрел бы помимо своей непосредственной свежести и силы такую тематическую углубленность, которая была бы сопряжена с показом перестройки писательской психологии.

Но этот дважды автобиографический замысел как по материалу, так и по отношению к материалу требует прежде всего большой продуманности образа героя в его развитии и

в его писательской специфике, т. е. в вытеснении прежних узкопрофессиональных интересов новым социальным-осмысленным пониманием своей творческой роли в переустройстве действительности. Но в романе после литературно блестящих вступительных страниц, которые с большим сюжетным остроумием переносят героя из вагонов дальневосточной экспресса в казахские степи, попутно раскрывая его писательское лицо, наступает неожиданный поворот. Сначала он не столь заметен: естественно, что нахлынувшая волна новых впечатлений заставляет Улиаса на некоторое время забыть, что он писатель. Но вот действительность, которая привела его сначала своей внешней непривлекательностью в

ужас, начинает понемногу проясняться: он находит свое место в геологической группе, он включается в работу, он учится видеть в погрязших контрастах старого с новым полем стройшейся социалистической культуры, а в людях, с которыми он сталкивается, или строителей или врагов. И вот тут-то, когда казалось бы, перед Улиасом открываются возможности переосмыслить свое призвание, он доводится до предела: после сложной смены чувств — зависти, ощущения своей ничтожности, внутреннего плодотворного «пропешения» — он приобретает, наконец, сознание своей полноты, в котором, однако, больше удовлетворения возможностями на руках, чем нового понимания своих творческих прав и обязанностей. Усмирившись в полноте своей «сплентивной профессии», которая «держала его вдали от мира, вдали от людей», писатель Улиас переживает полное внутреннее перерождение. Но при этом перерождении отмирают все черты, делавшие его писателем. И когда Берзин поводит итоги его мысли («он еще не знает, как будет работать в дальнейшем, но знает, что будет работать по-другому»), читатель вовсе не уверен, что плодом этой работы будет хотя бы хорошая книга о Казахстане.

Но, несмотря на низведение центрального образа с высоты проблемы до уровня обыкновенной для нашего времени человеческой судьбы, книга Берзина о Казахстане получилась все же хорошей. Это происходит потому, что в ней внутренне отношение автора к действительности, выражаемое всей полнотой ее содержания, торжествует над условностями ее назуманной или, вернее, придуманной сюжетной схемы. Пусть местами книга сыровата, пусть реальность и психологическая убедительность образов второстепенных героев, которые во многом интереснее главного, иногда перекачиваются в ней властями рылового описательского материала, — в целом она остается настоящей большой социальной динамикой. И незаметно для самого себя читатель перестает волноваться перипетиями не находящего себе места писателя Улиаса и открывает в книге все новые и новые достоинства: широту ее охвата всех трудностей и противоречий работы в Казахстане, глубокий и сдержанный пафос в показе большинства побед над азиатской косностью и отсталостью, многообразие и живую человеческую убедительность выведенных в ней людей, строящих новую жизнь или сопротивляющихся ей.

Образ Улиаса отходит на задний план. В нем нет силы того большого обобщения, которое позволило бы рассматривать его как организующее начало всего материала книги. Он растворяется в этом материале и, растворяясь, переживает названные ему творческими муками, возникает вновь как достаточно интересный, но рядовой персонаж книги со своим маршрутом по ее страницам.

И, конечно, закрывая книгу, читатель остается с мыслями не о чем, а о жером писателе Берзине — выросте и обрешенном всей полнотой своего сознания в сторону больших социальных горизонтов.

ГЕРМАН ХОХЛОВ.

КАИЕ ДЮ СЮД ПРОТИВ АРАГОНА

Книга Луи Арагона «Ура, Ура!» рассматривается в известных французских кругах под углом зрения, типичным для реакционной интеллигенции, считающей, что искусство и революция несовместимы.

«В борьбе между правящими идеями бунта и правящими конкретными идеями революции», — пишет рецензент книги в «Кайе дю сюд» — «Луи Арагон занял определенное место. Луи Арагон служит не революционным убеждениям, а партии — пример интеллектуального отречения и добровольного подчинения дисциплине». Характерно здесь это противопоставление «конкретной идеи революции», такой неудобной и аутсайдерской, «идеи бунта» — идее, все же более конкретной и не к чему не обязывающей ее апологетов — предшественников фашистской интеллигенции.

Утверждая, что Арагон стал писать теперь упрощенным языком, рецензент дает этому следующее объяснение: «Чтобы быть доступным, надо говорить языком масс. Дело уже не в том, чтобы создать произведение искусства, но в том, чтобы работать на революцию, а революция совершается большей частью при звуках гитлов отечественных». Однако он тут же противоречит себе, признавая, что в поэме Арагона «никогда поэзия и революция на равных правах, например, в «Ответе Клодине» — сальмон, красочном, красивом по своей неясности, которая способна освободить всех поработанных». Но затем он спешит вернуться к прежнему тону: «Если правда, что революция и поэзия противостоят друг другу, то в ней внутренне отношение автора к действительности, выражаемое всей полнотой ее содержания, торжествует над условностями ее назуманной или, вернее, придуманной сюжетной схемы. Пусть местами книга сыровата, пусть реальность и психологическая убедительность образов второстепенных героев, которые во многом интереснее главного, иногда перекачиваются в ней властями рылового описательского материала, — в целом она остается настоящей большой социальной динамикой. И незаметно для самого себя читатель перестает волноваться перипетиями не находящего себе места писателя Улиаса и открывает в книге все новые и новые достоинства: широту ее охвата всех трудностей и противоречий работы в Казахстане, глубокий и сдержанный пафос в показе большинства побед над азиатской косностью и отсталостью, многообразие и живую человеческую убедительность выведенных в ней людей, строящих новую жизнь или сопротивляющихся ей».

Д. МАНТИЕВА.

КЛАССИК НАЦИОНАЛЬНО-СОЦИАЛИЗМА

На недавно состоявшемся в Фрайфурте на Одере съезде Клейстского общества, основанного в 1920 г. и унаследованного в конце прошлого года, председателем этого общества профессор Минде-Плэ (позднее являясь германским иудеем) установил, что Гейнрих фон-Клейст является классиком национал-социализма.

Бедный, бедный автор «Михаэли Кольтгаса»!

В Средне-азиатском Госиздате выходит книга персидского лево-буржуазного писателя М. КАЗЕМИ «Страшный Тегеран». Книга иллюстрирована художником УСТО ТУМИНЫМ.

4 ИЗДАНИЯ ПРО 4 ЦВЕТА

Творческая продукция Саконой, составляющая около 20 книг, чрезвычайно разнообразна по тематике и по форме. Но о чем и как ни писал бы Саконой, характерной чертой ее творчества является значительный элемент диалектики, причем диалектика эта совсем особого рода. Это, так сказать, диалектика диалектика.

Однако у Саконой наряду с удачными книжками: «Книжка эта про 4 цвета», «Снежинки», «Гостя везала», «Скорей Скорей», напечатанные в «Мурзилке» за 1933 г. — стихи «Сбор винограда» и «Объём в пиджаке», есть и скучно-шаблонные «Мальчики», и явно неудачная «Разины», и диалектически не продуманные «Сосчитай следы», просто неинтересно написанные «Куклы и книги», слишком абстрактный для малышей «Мамин мост».

Да и в удачных книжках, конечно, имеются недостатки, говорящие о том, что Саконой надо еще много поработать над формой.

И надо отдать справедливость Саконой, она упорно и добросовестно борется с этими недостатками.

У каждого автора есть какое-то основное произведение, по которому он наиболее известен, которое делает ему в том или ином масштабе имя. Для М. Саконой таким произведением является «Книжка эта про 4 цвета». Эта книжка сразу за-

воевала широкую популярность. Впервые напечатанная в 1926 г., она переиздана в 1929 г., затем в 1930 г. и, наконец, выходит 4-м изданием в 1934 г.

Однако, просматривая первые издания этой книги, мы приходим в некоторое недоумение. Чрезвычайно бледные, ничем не отличающиеся друг от друга образы четырех девочек, полена показана описанном, отступившие эмоциональные моменты и слабые, почти беспомощные стихи.

И все же книга имела большой успех.

Объясняется это на первый взгляд несомненным явлением тем, что Саконой бесстрашно влезла в эту книжку за узкодиалектическую задачу, которой, как она, боялись другие писатели, пошла навстречу острой жизненной потребности детсадов в книге-пособии, помогающей ребятам усвоить цвета.

Книжка с каждым изданием менялась, и вышедшее недавно 4-е издание дало нам яркое доказательство того, что узкодиалектические задачи книги вовсе не исключают ее художественной ценности.

Сохраняя в качестве диалектического материала для показа цветов издания праздничные одежды детей и воздушные шары, Саконая в 4-м издании заставляет их действитель-

но ожить и заговорить полным голосом.

Она не описывает их детально, как в предыдущих изданиях, а дает образные сравнения, стимулирующие воображение маленького читателя находить сходство цвета в различных предметах.

Как немаловажное достоинство книжки в этом издании нужно отметить большую ритмическую четкость и певучесть стиха с рифмовкой через строчку и постоянными повторами. «Книжку про 4 цвета» в этом издании можно было бы назвать «песней о цветах». Ее можно петь.

Это именно то, что нужно малышам. Это облегчает им восприятие, дает эмоциональный подъем.

На некоторые замечания в смысле доступности для малышей названий язык книги. Такие слова, как рожа, нива, былинка и т. п., безусловно, неизвестны большинству ребят этого возраста, и с этой стороны на автора неизбежно посыплются нападки. Но несколько непонятных слов в тексте дошкольной книжки приносят ребятам меньше вреда, чем старшее жаргонизмы для дошкольных книжек обесценивание, оскудение и упрощение языка, к которому приводит бесконечная филькина их словесного материала, превращающаяся якобы в интересах доступности.

Л. КОН.

РОМЕН РОЛЛАН О ЦИКЛЕ „ОЧАРОВАННАЯ ДУША“

«С Летом, начинается произведение, настоящая жизнь, в которой «Аннета и Сидни» была лишь весенней предпоймой. Многие останавливаются на предпойме, как они сделали в «Заре» «Жана-Кристофа», — многие из тех, кто ищет в музыке и в благой вести, но забывая жизни, и которые укрываются от нее как бы повязкой на глаза. Но подлинный смысл «Очарованной души», как и «Жана-Кристофа», в том, чтобы сорвать одну за другой все повязки.

В то самое время как слепая красавица Аннета попадает в тенета иллюзий, иллюзия ребенка, иллюзия любовника, жизни влюблен, — суровая рука ее судьбы, которую называют случаями и которая мудрей человеческого разума, вынуждает ее перейти за порог Ура Нуоча по развалинам ее богатства, ее счастливой жизни.

Заметки от августа 1921 г. гласят: «Бедность для Аннеты то же, что изгнание на чужбину для Кристофа. Она асоставляет ее проникнуть новым взглядом в ложь современного общества, которой, при всей своей искренности, Аннета не замечала до тех пор, пока сама оставалась его частью».

Момент, когда Аннета начинает искать заработок, открывает для нее зреть подлинный мир в жизни. Любовь не была открытием. Материнство тоже. Она носила в себе его инстинкт. И действительность утверждала его не в полной мере. Но со дня, когда она перешла в стан нуждающихся, она открывает мир.

Прежде всего чудовищная беспомощность этой жизни, — девять десятых этой жизни, в том варварском выде, к какой ее привело современное общество... (женской жизни в особенности).

Есть, спать и рожать: да, это, это полезная десятая доля. Но все остальное... Колесо вращается. Но оно вращается в пустоте... На самом ли деле человек создан для того, чтобы мыслить? Можно подумать, что он убеждает себя в этом, что он внушает себе эту позу. Он принуждает себя к этому, как в вешелании в обжигивные жестам. Но он не мыслит. Это собака, которая дремлет на цепи своих повседневных занятий, своих удовольствий и своих неприятностей... Что же скажут о жеманщице?..»

Аннета открывает в «Лете» пустыню, скрытую под покровом цивилизации, ее роскоши, ее искусства, ее движения и ее шума... Как редкие звуки голоса, проблески человеческого, в которых выявляется Необходимость и прикованное сознание этой Необходимости!.. О! как хрупко здание этого человечества! Оно держится одной привычкой. Оно рухнет разом...

Почтаемые отрывки взяты из произведения Романа Роллана к циклу его романов «Очарованная душа». Последнее дает в основных штрихах картину деятельности работы Роллана над этим циклом, вводя в лабораторию его творчества, раскрывая творческий замысел писателя в его развитии и изменениях. В основу послесловия положен документальный материал — собственные заметки Роллана из его старых записных книжек.

Первое откровение, предвещавшее землетрясение, которое грядущая действительность потрясет Европу и мир великими войнами и революциями!

Бедность, эта мистическая невеста Ровелло Ассизского, не только отравляет двор и братство, но и обречены в жизнь человеческими массажи. Она освещает новую мораль. Это уже не старая, ставшая тесной, а зарисованная мораль запретов и молитв, судов и исповеданий, которая была беззубым сторожевым псом раздвоенного перерождения общества. Но новая мораль Труда... Труд: единственный титул подлинной знати! Сила и главная радость творящего существа, то есть единственного, которое действительно живет, единственного, которое приобретает к своим силам. Оно проявляет себя в производственной деятельности, скромной или мощной, для общины живущих. И лишь это одно: действовать, действовать для всех — есть Доброделатель в мужественном смысле слова. Все остальное это «маленькая добродетель».

Аннета, отныне вступившая на эту великую дорогу, трудную и честную, жадно ищет на ней спутника. Двое любовников, которых она там встречает, в «Лете», доказывают ей неустойчивость союза, который стоит на страже обоих полюсов жизненной оси: Жалости и Истини. Слабыя (Жюльен) не может вынести обожженной истини, надо скрывать ее от него. Сильный (Филипп) не обладает добротой, он шагает по тем же победным дорожкам, как и может принести им в жертву ни истину, ни жалость. Она снова оказывается одна на суровом пути. И влюбавок в этот момент она считает себя покинутой сыном, почти ненавидимой им (ибо ее страсть превращается всегда и во всех смыслах). Она умирает духовно.

Но что спасает ее на этот раз, как и столько других, это изумительная эластичность ее натуры и ее возрождения. В тот самый момент, когда она падает от изнеможения, из безысходного отчаяния выпрыгивает такой шквал жизни, что он поднимает душу

и укрепляет ее. Страдание выливается в поэму. И душа после этого освобождается. Аннета погружается в сон, как глыба. Когда она просыпается, на другой день, страдание умерло. Все вокруг Аннеты осталось прежне. И все ново. Она возродилась.

«Жалость. Истина. Я ничего не принесла в жертву. Я одна. Я нетронута. Я обнимаю жизнь, я знаю ее цену, и я знаю, чего это мне стоило. Да здравствует жизнь! Я бросаю вызов богу!»

Это равновесие в борьбе — момент подлый и непрочный. Оно возможно в том час, когда человек находится в обладании своим здоровьем, властью над собой, полнотой своей жизни. Зенит лета...

«Белокурая Аннета, крепкая женщина Севера, разделяет иллюзии выживших на кораблях в открытом море: они видят, как их водоросли расцветают волни, и они ликуют, захватывая своим полетом, они считают себя свободными, как большие птицы, которые сопровождают их... Скорей! Сильней! Против волн!.. Но равенство наступит. Берегись бурь, берегись сломанного крыла!»

Волна приходит. Она вошла в момент, когда закрывается книга. «Лето», работа над которым продолжалась от 11 июля до 5 ноября 1922 г., было доведено и закончено в первом семестре 1923 г.

Два года пропал прежде, чем работа возобновилась. Но она возобновилась с той самой чертой, с того самого крика, на котором она была прервана и ни на один день («Я бросаю вызов богу» не было забыто?). Уж, как птица, вцепившаяся в скалу, подстерегает момент, когда ему ринуться на добычу.

Заметка от 10 января 1925 г. гласит: «Сегодня ночью внезапно увидел мельком дверь, через которую можно бежать. Я чувствовал себя загнанным в войну и я хотел вырваться, и укрепляет ее. Страдание выливается в поэму. И душа после этого освобождается. Аннета погружается в сон, как глыба. Когда она просыпается, на другой день, страдание умерло. Все вокруг Аннеты осталось прежне. И все ново. Она возродилась.»

«Жалость. Истина. Я ничего не принесла в жертву. Я одна. Я нетронута. Я обнимаю жизнь, я знаю ее цену, и я знаю, чего это мне стоило. Да здравствует жизнь! Я бросаю вызов богу!»

«Сегодня ночью внезапно увидел мельком дверь, через которую можно бежать. Я чувствовал себя загнанным в войну и я хотел вырваться, и укрепляет ее. Страдание выливается в поэму. И душа после этого освобождается. Аннета погружается в сон, как глыба. Когда она просыпается, на другой день, страдание умерло. Все вокруг Аннеты осталось прежне. И все ново. Она возродилась.»

чтобы не быть развалинами войны, которая ложится опромком глестью на пафидном «Кларамбо». И вдруг... Аннета, которая бросает вызов богу и которую несколько не волновала жестокость войны, этой стихийной силы, преобразается под влиянием одной встречи — с обзом оскорбленных военнопленных — и потрясения от нахлынувшей на нее страсти.

Она пассивно приняла оправдание естественности факта, — в то время как она сама имела свой естественный закон, закон природы, более возвышенный, который она должна противопоставлять натуре варварской. Личь только она получает толчок, вызванный ее бурным вмешательством в защиту пленных, как исчезает ее тревожное состояние, которое угнетало ее и которое проис-

«Его вина не в том, что он не понимал. Его вина в том, что он не действовал... Все понимать и действовать...»

И он говорит Аннете: — Держитесь! Инстинкт вашего сердца надежен моего «за» и «против». У вас есть мальчик. Скажите ему, что он не довольствовался тем, что будет все зашивать, будет все любить. Пусть предпочитает одно другому! Прекрасно бы справлялись. Но настоящая справедливость не остается сидеть перед всеми и смотреть, как колеблется их чашки. Она судит и исполняет приговор!»

Это завещание Жермена, это предсмертное распоряжение, которое Аннета должна передать своему сыну, дает тяжесть на ее руки: ибо «самоуверенная справедливость», которая действует в эпоху всеобщего угнетения и принижения, роковым образом ведет к жертве. И ответственность Аннеты тем больше, что она стала в конце тома после жестоких сомнений «отцом и матерью» своего сына. Он слезал выбор?» И она должна сделать выбор для него. В значительном разговоре конца тома, когда она делится друг с другом застенными своей души, своим презрением к обществу, которое создало войну, которое создало мир (обманчивый мир, мир, несущий в себе новые войны), и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет только отсрочено, что недалеко тем, когда жертва должна будет взойти на костер... «Взвешивая в себе новые войны», и своим отказом от этого мира, как и от этой войны, Аннета с ужасом видит решимость жертвы, запечатленную в мысли Марка; и ее любовь хотела бы, даже вопреки своей вере, отстранить ее. Но Марк так уверен в ней и в ее вере, что он передает решение в ее руки. И она неспособна фальсифицировать его. Если события — если перемены — приостановят решение, слишком ясно, что оно будет

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В Западной Сибири сейчас насчитывается около 60 писателей, половина из которых является членами Союза советских писателей, и более 40 литературных кружков, находящихся на учете западносибирского правления Союза. Большинство этих кружков являются районными литературными объединениями при редакциях газет.

Рост художественной литературы в крае можно иллюстрировать следующими цифрами. В 1932 г. не считая «Сибирских огней», в крае вышло 4 или 5 книг художественной литературы, главным образом, сборников. В 1933 г. вышло 15 книг в том числе 6 книг на якутском и таскаском языках. В 1934 г. намечено издать 30 книг и около 20 книг на языках других национальностей. Этот план не только реалиен, но в сравнении с тем, что может дать Западная Сибирь, он является весьма скромным, так как лимитируется бумажными ресурсами и издательскими возможностями.

Журнал «Сибирские огни» вступает в тринадцатый год издания. Это второй по времени возникновения литературно-художественный журнал в Советском Союзе. Журнал объединяет не только лучших писателей Западной Сибири, но и ряд сибирских писателей, живущих в Москве и других городах Советского Союза. В 1934 г. тираж «Сибирских огней» поднялся с 3 до 7 тыс. экз. В первую половину года в журнале напечатано несколько романов, повестей и рассказов сибирских писателей. («Жизнь начинается сегодня» И. Гольдберг, «Большой Арктик» М. Ошарова, «Белое копыто» А. Коптелова, «Трубоклад» Н. Нурдьячева, и др.).

Вышла отдельными книжками: роман «Светлая кровь» А. Коптелова и сборник рассказов «Вещи», повести и рассказы Н. Нурдьячева «Тяга вестей», «Сборник стихов И. Мухачева, В. Выхлянцева, Н. Титова».

Роман А. Коптелова «Светлая кровь» написан о строительстве переноса первой пятилетки — Турксиба.

Коптеловым же написан роман об Опрыти («Белое копыто»). А. Коптелов хорошо знает природу и быт народов Алтая. «Белое копыто» отражает переход недавно отсталых и угнетенных народов к новым, высшим формам экономики и культуры.

Интересен роман М. Ошарова «Большой Арктик». Это первый роман из жизни эвенков (тунгузов). М.

Ошаров более 12 лет жил в тайге и тундре Туруханского края и хорошо знает быт туземцев. Роман охватывает дореволюционное прошлое края. Вторая, еще не законченная, часть романа показывает его героев уже после Октябрьской революции. Это также сюжет от среднего уровня, но с большим количеством живых деталей быта и самых разных форм эксплуатации и строительства социализма, пробуждающего гигантские производительные силы Северной Азии.

«Светлая кровь», «Белое копыто» и «Большой Арктик» имеют немало погрешностей, отчасти объясняющихся левыми предрассудками сибирской критики к вопросам языка и формы, но оба писателя с каждым новым произведением показывают успешное движение вперед и в этой области.

Рост благосостояния рабочих, колхозников и всех трудящихся в Советском Союзе вместе с тем же ростом культурного уровня создал полную почву огромного невиданного ни в какой стране ни в какое время спроса на книгу.

Центральная бригада сибирских писателей посетила Кузбасс. На литературном вечере в Кемерово старший шахтер Т. Большаков в своей речи просил передать А. М. Горькому и всему писательскому съезду «братский привет шахтерского привет». «Мне 55 лет, я читал М. Горького, читал Шолохова, читал Березовского. Сейчас мы просим писателей уделять больше внимания нашим лучшим людям, мало показавшим в художественных произведениях наших ударников, людей нашей эпохи».

О том же внимании и любви к художественной литературе свидетельствует, например, организация колхоза в Троицком районе Западной Сибири, принявшего имя краевого литературно-художественного журнала «Сибирские огни».

Советские писатели Западной Сибири ставят своей задачей отразить в художественных произведениях великий процесс превращения Сибири гаторской в Сибирь социалистическую, отразить выполнение плана второй пятилетки и ее героическую борьбу, что все наши победы возможны только в стране победившего пролетариата, руководимого коммунистической партией и ее вождем т. Сталиным.

Величайший писатель современности А. М. Горький всегда обращал особое внимание на развитие культуры в областных центрах Советского

Союза. «Если вам удастся организовать бригаду энергичных энтузиастов», — писал он нам, — «да вместе с ними привлечь работать побольше молодежи и привлечь ее внимательно, дружески к ней относиться, дело пойдет отлично. Смысл дела — воспитание областной культурной интеллигенции».

Под руководством А. М. Горького быстро двинулось дело изучения и помощи литераторам национальных республик и областей. Еще недавно А. М. Горький писал в приветствии по поводу 30-летия литературной деятельности И. С. Гольдберга: «Мне кажется, что я довольно четко и ясно могу представить себе, что знает и сколько требует сил 30-летняя работа в области литературы за пределами привычной литературы и критики литератора. Известно, что критики и литераторы отличаются постыдным и непонятным безразличием по отношению к литературе областей и союзных республик».

Теперь всеосознанный оргкомитет писателей, возглавляемый А. М. Горьким, послал специальные бригады писателей для изучения и помощи литературе на местах. Нет больше московской и ленинградской, позорной сибирской литературы, есть единая литература Советского Союза. Всеосознанный съезд советских писателей еще более должен укрепить ее единство.

Член т. Э. Э. обративший внимание на партийные организации, Западной Сибири, что литературой нельзя заниматься от случая к случаю. Литература — часть общепролетарского дела (Ленин). Она не может развиваться в стороне от партии, вне внимания партии, вне внимания всей советской общественности.

Под руководством краевого комитета партии, возглавляемого т. Э. Э. Э., писатели Западной Сибири выполняют стоящие перед ними задачи: дадут художественные произведения, высшие по мастерству и отображающие великий процесс превращения Сибири в Сибирь социалистическую, показывающие дела и героев наших прекраснейших дней.

ВИБИАН ИТИН.

КОНФЕРЕНЦИЯ ТЮЗОВ

Центральный дом художественного воспитания детей РСФСР им. Бубнова приступил к подготовке конференции театров юного зрителя РСФСР. Конференция состоится в начале 1935 г.

В помощь работникам тюзов и самодеятельных кружков ЦДХВД выпускает книгу «Театр детей».

КАДРЫ ДЛЯ КУКОЛЬНЫХ ТЕАТРОВ

В связи с постановлением Совнаркома РСФСР о развитии сети детских кукольных театров в сентябре нынешнего года в ряде городов (Москва, Ленинград, Свердловск, Ростов-на-Дону и Казань) открываются специальные курсы для подготовки кукольников. На проведение курсов Наркомпросом ассигновано 55 000 руб.

БЕЛОРУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

МИНСК. (Наш. корр.). Центральный комитет коммунистической партии Белоруссии принял решение об издании белорусской советской энциклопедии.

В анкете, организованной в связи с этим решением, председатель правления Союза советских писателей Белоруссии тов. Климович отмечает создание белорусской советской энциклопедии как показатель громадного роста БССР.

Правление Союза советских писателей обязуется приложить все усилия

АКАДЕМИЯ НАУК С'ЕЗДУ

ЛЕНИНГРАД. (Наш. корр.). К Всесоюзному съезду писателей издательство Академии наук СССР выпускает библиографический указатель по социалистическому реализму, составленный под руководством проф. Н. К. Пискарева.

Выходят в свет также stenogramмы бесед с начинающими рабочими-писателями, проводившиеся в Институте русской литературы Академии наук.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ АЗОВО-ЧЕРНОМОРЬЯ

Оргкомитет писателей Азово-Черноморского края утвердил повестку для первой краевой конференции, которая откроется в Ростове на Дону 9 августа. Конференция обсудит следующие вопросы:

1. Доклад всеосознанный оргкомитета Союза советских писателей.
2. Доклад Азово-Черноморского оргкомитета писателей о своей работе.
3. Содоклады по прозе, драматургии, поэзии и детской литературе.

Вечером 9 августа на торжественном открытии конференции будут присутствовать около 300 делегатов — молодых авторов из колхозов, совхозов, фабрик и заводов. Конференция продлится два дня.

А. УСТИНОВИЧ.

Фото Б. Реста

В Ленинграде открылась литературная выставка, посвященная ленинградской областной конференции и всеосознанному съезду советских писателей. Материал выставки отражает достижения советской литературы, ее количественный и качественный рост. На выставке много представлено продукция ленинградских писателей, много фототипий, гравюр, рисунков, карикатур; издательствами показаны книги М. Горького, А. Толстого, Федина и других писателей.

НА СНИМКЕ — щит, посвященный писателю-челюскинцу СЕРГЕЮ СЕМЕНОВУ.

В Сокольниковском парке культуры и отдыха им. Бубнова выставлены макеты ряда панорам на тему гражданской войны и социалистического строительства. Работа над созданием панорам типа известных панорам художника Рубо «Оборона Севастополя» ведется уже давно. Для панорам будут построены специальные здания в различных городах Союза.

На фото: панорама, посвященная взятию Перекопа работы художников Г. К. САВИЦКОГО, П. И. КОТОВА, Н. П. ХРИСТЕНКО и В. П. ЕФА НОВА.

ПЕРВЫЙ МОРДОВСКИЙ С'ЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ

На днях в г. Саранске — центре Мордовской автономной области — закончил свои работы первый всемордовский съезд писателей.

Почетным председателем съезда был избран Максим Горький.

Съезд заслушал доклад т. Нулинина о мордовской советской литературе и содоклады об эрзянской прозе и поэзии, мокшанской прозе и поэзии, мордовской драматургии и детской литературе.

Мордовская литература очень молодая. Ей всего 12—13 лет. До Октябрьской революции мордовская национальность не имела не только своей литературы, но даже и алфавита.

Теперь в мордовской литературе выросли такие писатели, как Никол Урбай, Андрей Ендол, Петр Эрке, Петр Гайни, Вярда и Макс Бебан.

Лучшие мастера мордовской поэзии Кривошеев и Григошин на первом этапе своей литературной деятельности допустили ряд националистических ошибок. Они идеализировали колдовий быт мордовской деревни, воспевали в своих стихах этот быт.

Эти ошибки были подвергнуты жесткой большевистской критике. Эта критика пошла Кривошееву и Григошину впрок. Их последние произведения говорят о резком повороте в сторону коммунистической партии и советской власти.

После постановления ЦК партии от 23 апреля 1932 г. особенно быстро стала расти мордовская литература. За это время издано 64 книги и 3 коллективных сборника.

Съездом получены приветственные телеграммы от всеосознанный Оргкомитета ЦСР и от оргкомитетов: Чувашин, Татарин, Республиканцев МТС и райкомов ВКП(б) Мордовии.

Съездом принято решение об организации конкурса на лучшее художественное произведение, отображающее социалистическое строительство Мордовии.

Избрано правление Союза писателей из пяти человек: тт. Нулинина, Куркина, Ирмаева, Чеснокова и Бебана и делегация на краевой и всеосознанный съезды писателей.

СТ. НОРТМАН

БИБЛИОТЕКА РАПОРТУЕТ

Работа профсоюзных библиотек по подготовке к съезду писателей приобретает за последнее время значительный размах. Читательские конференции, литературные вечера и экскурсии, громкие чтеки, сбор отзывов на произведения художественной литературы и другие формы работы охватили не только крупнейшие библиотеки, но и «карликовые» передвижки.

Умелым пропагандистом художественной литературы стала библиотека завода ЦАГИ, одна из передовых по подготовке к съезду.

Растет культурный уровень рабочего-читателя и растут задачи библиотеки. Читатели уже не только «сгорают» беллетристике. Они серьезно интересуются критическим разбором современных художественных произведений. Библиотека составила карточку критических статей, помещенных в журналы. Устроено четыре книжных выставки, одна из них — передвижная по заводу.

За 4 месяца заводская библиотека выдала 14 тыс. книг по беллетристике.

Редкий номер многотиражной газеты выходит без рекомендательных списков художественной литературы, которые составляются библиотекой. Громкие чтеки художественной литературы в шах и в летней читальне вошли уже давно в систему нашей работы.

К съезду библиотекой начат учет спроса художественной литературы отдельными группами читателей. Кто любимые авторы на нашем заводе? Не говоря уже об А. М. Горьком, книги которого рвут из рук, у нашего читателя есть круг авторов, чьи произведения он настойчиво требует.

Книг Новикова-Прибоя за 4 месяца взято 373. А. Толстого — 308, Яценко — 232, Леопольда — 164, Шолохова — 129, Тургенева — 112, Толстого Л. — 98; за ним идут Фортс — 50 книг, Ильенков — 47, Эрленбург — 43.

Три читательских конференции, проводимых библиотекой ЦАГИ, завершат нашу подготовку к съезду писателей.

О. СИМОНОВА

КО ДНЮ АВИАЦИИ — 18 АВГУСТА 1934 г.

ВЫХОДИТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ АВИАЦИОННЫЙ НОМЕР СБОРНИК ЖУРНАЛА

Содержание:

Я. И. Алксис — На страже социалистических границ. И. С. Ушакин — Воздушный транспорт Советского Союза. Р. П. Эйдеман — Год на крыльях. Мих. Кольцов — В небо идут машины. Д. Второв — Вторая пятилетка в социалистической гражданской авиации. С. Урицкий — Это я, Ярина, своей рукой бросаю валиску. С. Живина — Успехи воздушного транспорта в СССР. В. Довженко — В страхеферу! А. Ф. Буянов — В школу будущих пилотов. И. Митрев — На крыльях без мотора. Спринг — Безопасный полет и что для него нужно. Б. А. Белянский — Самолет и погода. И. Мошковский — Миланский парашютистов. К. Москатов — Победа советского мотора. Г. Яценский — Будущая воздушная война. А. Н. Туполев — Рождение гиганта. Н. Харламов — Как мы строили «Максим Горького». М. Горький. Идл. Акад. Наук СССР — 1934 г. — в издании. перепл. — 14 р. Перес. за сч. заказчиков. Высыл. нал. плат. Заказы направлять: Ленинград, 194, «Международная Книга».

Из воздушного языка на страницах на узкоформенной бумаге, в номере — четыре способа печати, иллюстраций печатаются мелко-тинто и дуплексом в 2 краски, красочная обложка.

В номере свыше 150 художественных фотолитраций

Заказы направляйте — Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Журналобъединение, ЖУРНАЛОБЪЕДИНЕНИЕ.

Цена 3 руб. 50 коп.

Книжная Витрина

- В «Молодой гвардии» в ближайшее время выходит книжка Листовского «Боевые записки».
- К съезду писателей Профиздат выпускает сборник произведений украинских рабочих-авторов в переводе на русский язык.
- П. Липендин в Партизате выпустил книгу «К вопросу о философском развитии Карла Маркса».
- Ф. Горюхов в Партизате выпустил книгу «Ленин и исторический материализм».
- В издательстве «Старый большевик» вышли мемуары старых большевиков: Буйко — «Путь революционного рабочего», Ивонен — «По ступеням борьбы», Двойных — «Путь красноармейца-большевика» и Кузьмин — «Воспоминания».
- Там же вышли мемуары Пезнера — «Первые боевые организации в 1905 г.».
- В «Молодой гвардии» выходит роман немецкого писателя Шеншта «Убит при попытке к бегству». Перевод Герасимовой.
- Издательство Иностранной литературы в СССР выпустило следующие книги:
 - на немецком языке: Анна Зегер «Соратники», Ярослав Гашек «Принаймления бравого солдата Швейка», П. Павленко «Баррикады», Д. Фурманов «Чапаев»;
 - на английском языке: В. Ильенков «Ведущая роль».

На Московском кинокомбинате закончен производство фильма «Мечтатель» (Восстание человека) сценарий и постановка режиссера Марьян. В главных ролях: засл. арт. респ. А. Тарасова, засл. арт. респ. Плотников, арт. театра им. Мейерхольда Свердлов, арт. МХАТ И. Курдюков, арт. театра им. Вахтангова Вагрина, арт. Жаров и др.

ИЗВЕЩЕНИЕ

8 августа, в 22 ч. в Доме печати (Никитский бул. 8-а), состоится общественный просмотр выставки Ил. Файнберга и худ. С. Телингатера (1914).

Приглашаются журналисты, писатели и художники.

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер. д. 26, телеф. 69-61 и 4-34-60.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-54-69.

Оргбюро группового комитета и писательский коллектив издаваемого «Советский писатель» с присорбением извещают о смерти поэта

Константина Митрейкина

К ВСЕСОЮЗНОМУ С'ЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ

Поступают в продажу серии диапозитивов «СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ» (в трех частях. Прозаики, поэты, критики, драматурги, МОРФ и писатели нал. республик).

ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ЦЕНА: НА ПЛЕНКЕ ЗА ПОЛНУЮ СЕРИЮ 14 Р. 75 К. НА СТРЕКЕ ЗА ПОЛНУЮ СЕРИЮ 10 Р. 75 К. ПУЗЫРИ ЗА ПЯТЬ ВАРИАНТНЫХ ЗАКАЗЫ. ТИРАЖ ОРГАНИЗЧЕН.

Проекторный фонарь для демонстрации диапозитивов на стекле — ц. 85 руб. Аппарат «Алоскоп» для демонстрации диапозитивов на пленке — ц. 130 руб. Заказы обязательно с задатком в размере 25 проц. стоимости или с полной стоимостью направлять:

«К У Л Т О Н Т А»
Москва, 9 ул. Горького, 26, тел. 65-26. Расчетный счет: Москва, Октябрьское Отделение Госбанка № 2293150-а. Пересылка и упаковка за счет заказчика.

Каталог с подробным указанием цен и имеющейся тоmatик высылается по требованию бесплатно.

НОВАЯ КНИГА

М. ГОРЬКИЙ — МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. I. Под общ. ред. В. А. Десницкого с иллюстр., портр. и автографами.

Основные разделы:
I. События и знаменательные произведения М. Горького. П. Перелешко М. Горьковский Леонид Андреевич и др. Писателя М. Горького к писателям и критикам. IV. Письма начинающих писателей М. Горькому. V. Горький о литературе. VI. Статьи по истории текста произведений М. Горького. Идл. Акад. Наук СССР — 1934 г. — в издании. перепл. — 14 р. Перес. за сч. заказчиков. Высыл. нал. плат. Заказы направлять: Ленинград, 194, «Международная Книга».

Воздушный флот великой родины

Воздушная викторина

Воздушная викторина

Воздушная викторина

Воздушная викторина

Воздушная викторина

Воздушная викторина

Воздушная викторина

Воздушная викторина